



ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

(Изъ воспоминаній о Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ).

1822—1826.

Въ ряду разныхъ бѣдствій и невзгодъ, перенесенныхъ русскимъ народомъ втеченіе тысячелѣтняго его существованія, не послѣднее, конечно, мѣсто занимаютъ военныя поселенія, оставившія по себѣ неизгладимые слѣды не только въ памяти значительной части населенія Россіи, но и въ его экономическомъ быту.

Какъ возникла злосчастная мысль объ учрежденіи у насъ военныхъ поселеній и какъ примѣнялось на практикѣ ея осуществленіе, — я не буду говорить, такъ какъ объ этомъ много уже было писано. Кромѣ весьма обстоятельно составленной книги «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія»,¹⁾ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ периодическихъ изданій помѣщено было нѣсколько статей и рассказовъ изъ исторіи и быта военныхъ поселеній, преимущественно Новгородскихъ.²⁾ Полной исторіи этихъ учрежденій у насъ еще нѣтъ, да таковая, разумѣется, еще и невозможна нынѣ, когда многое, что было бы въ состояніи пролить яркій свѣтъ на эпоху царствованія Благословеннаго, лежитъ пока

¹⁾ Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 годовъ. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи. Изданіе редакціи «Русской Старины». Спб., 1871 г., въ 8-ю долю, 308 стр.

²⁾ Между прочимъ, редакціей «Русской Старины» была издана книга «Бытъ военныхъ поселеній въ 1831 году. Рассказы и воспоминанія очевидцевъ». Спб., 1870 г., въ 8-ю д., 282 стр.



А. Аркачѣевъ

Графъ Алексѣй Андреевичъ

АРАКЧЕЕВЪ.

1769 — 1834.

еще подъ спудомъ и, Богъ-вѣсть, когда выглянетъ на бѣлый свѣтъ. Между тѣмъ, учрежденіе и существованіе военныхъ поселеній представляютъ собою весьма крупное явленіе Александровской эпохи. Въ тѣхъ приемахъ, съ какими осуществлялось у насъ чуждое духу русскаго народа учрежденіе, виднѣнъ характеръ тогдашняго времени; поэтому, я полагаю, что всякій фактъ изъ исторіи этой эпохи, — какъ бы ни казался онъ, съ перваго взгляда, незначителенъ, — на самомъ дѣлѣ никогда не будетъ лишнимъ, и — кто знаетъ? — быть можетъ пособить будущему историку представить правдивую картину нашего прошлаго.

Эти соображенія, а также и настоянія нѣкоторыхъ моихъ друзей побудили меня, стараго инвалида-поселенца, взяться за перо, припомнить давно минувшее и передать на бумагѣ тѣ, уцѣлѣвшіе въ моихъ воспоминаніяхъ, случаи изъ быта военныхъ поселеній, которые могутъ, отчасти, служить въ характеристикѣ того времени.

I.

20-го января 1822 года, я, — тогда еще 16-ти-лѣтній мальчикъ, — отправленъ былъ моимъ отцомъ на службу въ гренадерскій графа Аравчеева полкъ, поселенный въ Новгородской губерніи, по р. Волхову. Въ этомъ полку уже служилъ, въ чинѣ поручика, мой старшій братъ, и потому неудивительно, что отецъ, зная о всей строгости службы на глазахъ самого Аравчеева, что называется на-юру, рѣшился отдать меня туда: моя молодость и совершенная неопытность требовали, въ особенности на первое время, бдительнаго надзора и руководства со стороны человѣка болѣе или менѣе солиднаго и хотя нѣсколько помпезаннаго уже жизнью.

По поступленіи въ полкъ, несмотря на новостъ положенія и на кажущуюся свободу, какою пользовались тогда подпрапорщики и унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся, я сильно тосковалъ первое время и очень смущался нѣкоторыми, дикими для меня, сторонами военной жизни; мнѣ такъ и казалось, что будто-бы я попалъ въ какое-то механическое заведеніе, гдѣ каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово были заранѣе опредѣлены, размѣрены и отсчитаны.

На другой же день, по приѣздѣ моемъ въ полевой штабъ, братъ мой представилъ меня полковому командиру, полковнику фонъ-Фрикену, пользовавшемуся особенною благосклонностью Аракчеева и милостью Александра I.

На нѣмецкомъ языкѣ фонъ-Фрикенъ выразилъ свое удовольствіе принять меня къ себѣ въ полкъ и обѣщалъ содѣйствовать моему опредѣленію на службу. Дѣйствительно, когда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1822 года, Аракчеевъ приѣхалъ въ полкъ, я былъ представленъ ему.

Фигура графа, котораго я увидѣлъ тогда впервые, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими, страшно холодными и мутными, глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ, носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще болѣе неприятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую, изъ солдатскаго сукна, куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука,¹⁾ и вы составите себѣ понятіе о внѣшности этого человѣка, наводившаго страхъ не только на военныхъ поселенія, но и на все служившее тогда въ Россіи.

— Кто твой отецъ? — спросилъ меня графъ своимъ гнусливымъ голосомъ, такъ часто заставлявшимъ дрожать даже людей далеко нетрусливыхъ.

Надо замѣтить, что Аракчеевъ произносилъ сильно въ носъ, при чемъ еще имѣлъ привычку не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ его.

Тренеща всѣмъ тѣломъ, я отвѣтилъ на вопросъ.

— Я принимаю тебя, — сказалъ Аракчеевъ, — но смотри, слушать хорошо. Шелопаевъ я терпѣть не могу!

Я былъ зачисленъ подпрапорщикомъ въ 4-ю фузелерную роту

¹⁾ Обмѣновено Аракчеевъ носилъ артиллерійскую форму; но при осмотрѣ работъ на военныхъ поселеніяхъ, онъ, сверхъ артиллерійскаго сюртука, надѣвалъ куртку изъ сѣраго солдатскаго сукна и въ такомъ нарядѣ бродилъ по полямъ, осматривалъ постройки и т. п. работы. Въ этой-то курткѣ я увидѣлъ его въ первый разъ.

гренадерскаго графа Аравчеева полка, и поступилъ въ полное распоряженіе капральнаго унтеръ-офицера Дмитрія Ефимовича Фролова, бывшаго первымъ моимъ наставникомъ въ военной премудрости.

Фроловъ, переведенный въ 1807 году, въ числѣ 800 человекъ, изъ Архаровскаго полка въ Аравчеевскій, представлялъ собою совершеннѣйшій типъ капрала стараго времени. Геркулесъ сложеніемъ, 12-ти вершковъ роста, стройный и красивый, онъ былъ страшный службистъ, строгій къ самому себѣ и недаввшій пощады своимъ подчиненнымъ. Къ такому-то человѣку попалъ я въ опеку и онъ, своими безконечными дисциплинарными наставленіями, нерѣдко доводилъ меня до слезъ. Поставить, бывало, подъ ружье и начнетъ преподавать истинны рекрутской школы, о томъ — какъ долженъ стоять солдатъ, пересыпая эти пунетики и до-сихъ поръ непонятными для меня фразами:

— Никакого художества въ васъ я не замѣчаю; но только вы всѣми средствами подавайтесь впередъ и отнюдь на оныя не упирайтесь, да на лѣвый бокъ не наваливайтесь! Стыдно, стыдно плакать! Плачутъ однѣ бабы, а намъ, молодцамъ-гренадерамъ, не приходится!

II.

Въ томъ же 1822 году, въ іюль мѣсяцѣ (числа не упомяну), объявлено было, что императоръ Александръ Павловичъ посѣтитъ Новгородскія военныя поселенія. Для встрѣчи государя приказано было приготовиться той половинѣ полка, по району которой онъ долженъ былъ проѣхать.

На случай проѣзда государя установленъ былъ особый церемоніаль, который и соблюдался всегда во всѣхъ поселенныхъ полкахъ: поселяне-хозяева, съ своими женами и дѣтьми, становились, каждый, передъ домою своего номера; постояльцы каждаго хозяина помѣщались по лѣвую сторону его семейства; всѣ, какъ хозяева, такъ и постояльцы, были въ мундирахъ, фуражкахъ и въ штиблетахъ; женщины и дѣти также наряжались въ свои лучшіе праздничные костюмы. Ротные командиры находились на правыхъ флангахъ связей, т. е. у домовъ № 1-го, гдѣ и представляли рапорты о состояніи своихъ ротъ; полковою же командиръ встрѣчалъ государя на границѣ своего полка.

При въѣздѣ въ роту, государь останавливался, принималъ рапортъ и потомъ медленно ѣхалъ, отвѣчая привѣтливимъ поклономъ на громогласное «здравія желаемъ» гренадеръ.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ Благословеннаго. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, сидѣвшимъ по правую его руку. Иногда государь приказывалъ остановиться, входилъ въ домъ, осматривалъ житье-бытье поселенцевъ, пробовалъ кушанье, приготовленное въ этотъ день хозяевами (а въ этотъ день хозяева ухо острѣ держали!).¹⁾

За приемъ и угощеніе царя хозяйка дома получала въ подарокъ сарафанъ, очень нарядный, обшитый серебряною бахромой и усаженный такими же пуговицами. Объ этомъ подаркѣ объявлялось въ послѣдствіи въ приказѣ по полку, при чемъ объяснялось, что такая-то, за примѣрный порядокъ въ хозяйствѣ, всемилостивѣйше жалуется штофнымъ сарафаномъ въ 150 руб. (въ то время считали еще на ассигнаціи).

На другой день по приѣздѣ государя происходилъ смотръ полку графа Аракчеева и армейскимъ кадровымъ баталіонамъ. Эти баталіоны — несчастная жертва тогдашняго времени — приходили, иногда въ числѣ пятидесяти или шестидесяти, въ Новгородскія поселенія еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и были употребляемы въ разныя работы: вырубку лѣсовъ, расчистку полей, проведеніе дорогъ, выдѣлку кирпича и т. п. Обыкновенно, они оставляли свои бараки на поселеніяхъ и уходили на зимнія квартиры въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской и смежныхъ съ нею губерній, въ сентябрѣ мѣсяцѣ; но иногда тѣ, изъ нихъ,

¹⁾ Что-бы выказать передъ государемъ удивительную степень благоденствія солдатъ-поселенцевъ, а въ то же время и себѣ заслужить похвалу и награду, поселенное начальство поднималось на разныя штуки. Читателямъ извѣстны, я думаю, рассказы о жареныхъ поросенкѣхъ и гусяхъ, переносимыхъ, по задворкамъ, изъ дома въ домъ, но мѣру прѣзда государя, такъ что въ какой бы домъ дарю ни задумалось зайти, вездѣ, за обѣденнымъ столомъ хозяевъ, красовался или гусь, или поросенокъ, свидѣтельствующа о довольствѣ, въ какомъ живутъ солдаты-поселяне. Все это дѣйствительные факты, очень хорошо извѣстные во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ и обычные до того, что никто и не думалъ придавать имъ какое-нибудь особенное значеніе: слѣдовало представить свой товаръ, ну и представляли, разумѣется, съ казоваго конца; не показывать же было обиденныхъ заплатъ и лохмотьевъ — ежедневныя пустыши и избитыя спины счастливыхъ поселянъ.

которые не успѣли выполнить опредѣленныхъ имъ рабочихъ уроковъ, оставались на работахъ, въ наказаніе, и на октябрь.

Царскій смотръ сошелъ благополучно; государь остался всѣмъ очень доволенъ и, по обыкновенію, благодаря Аракчеева за представленіе въ отличномъ видѣ подвѣдомственныхъ ему частей, обнялъ его и поцѣловалъ.

По отъѣздѣ государя, все, экстренно подтянутое, начало мало-по-малу приходить въ свое обычное состояніе, и поселенная жизнь потекла будничнымъ порядкомъ; только начальствующія лица все еще продолжали волноваться въ ожиданіи наградъ.

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ высочайшаго смотра пріѣхалъ въ полкъ Аракчеевъ. На другой день назначенъ былъ разводъ съ церемоніей. Въ караулъ по полку—очередная рота; составъ развода слѣдующій:

1) Караульная рота; 2) караулъ военно-учительскаго института; 3) два караула отъ армейскихъ кадровыхъ баталіоновъ; 4) караулъ отъ фурштатской роты; 5) караулъ отъ рабочаго баталіона; 6) учителя военно-сиротскихъ отдѣленій; ¹⁾ 7) уланы Чугуевскаго и Херсонскаго поселеній; 8) парольные унтеръ-офицеры отъ всѣхъ баталіоновъ, и 9) унтеръ-офицеры и рядовые (при офицерѣ) отъ жандармскаго взвода и фурштатской роты, верхами, являшіеся ординарцами и вѣстовыми къ старшему при разводѣ.

Я нарочно привожу этотъ мозаичный составъ развода, что-бы читатель могъ составить себѣ понятіе о разводахъ былого времени.

Все готово. Всѣ подтянуты, выглажены и вылощены; всѣ съ трепетомъ ждутъ грознаго начальника. Тихо такъ, что слышно жужжаніе большихъ синихъ мухъ, ожесточенно нападающихъ на потныя лица и затылки гренадеръ и самого начальства... Старшіе офицеры, собравшіеся на правомъ флангѣ развода, разговариваютъ вполголоса, передавая другъ другу свои предположенія о томъ—кому какую дадутъ награду. Офицеры, находящіеся въ строю, проходятъ иногда по фронту, выравнивая ряды, поправляя на людяхъ аммуницію и кивера... Звуки подзатыльниковъ и зуботычинъ раздаются какъ-то очень глухо—бьютъ осторожно...

¹⁾ Учителя эти носили трехугольныя шляпы.

крѣпкое русское слово, въ обычное время неумолкаемымъ эхомъ перекатывающееся по плацу, теперь слышится иначе, мягко и сдержанно...

— Идетъ! полушопотомъ проносится по разводу, и дѣйствительно, онъ наконецъ появляется.

Встрѣченный барабаннымъ походомъ, графъ, послѣ обычнаго привѣтствія: «здорово гренадеры!» отправляется по фронту. Музыканты изо всѣхъ силъ надуваютъ привѣтственный маршъ, подъ звуки котораго его сіятельство обходитъ представляющіяся на разводѣ части, дѣлая по пути свои замѣчанія. Вотъ онъ останавливается передъ учителями въ трехуголкахъ и по плацу раздается его гнусливый голось:

— Вы, дураки! Не знаете какъ надо встрѣчать начальника! Вы должны были поднять лѣвую руку въ шляпѣ!

Затѣмъ, обращаясь къ полковнику фонъ-Фризену, графъ прибавляетъ:

— Обтесать этихъ болвановъ!

— Слушаю-съ, ваше сіятельство! — было отвѣтомъ исполнительнаго командира.

Подаривъ многихъ лицъ разными наименованіями, какъ-то: дуракъ, болванъ, нечесанный чурбанъ, Аракчеевъ подозвалъ къ себѣ полковаго адъютанта и отдалъ ему какое-то приказаніе; тотъ, взявъ съ собою двухъ офицеровъ и двухъ унтеръ-офицеровъ, отправился съ ними въ домъ шефа полка (Аракчеева), откуда вскорѣ и вынесли огромный, серебряный подносъ, покрытый красиво салфеткой, и понесли его по фронту. Во все время, пока продолжалось шествіе съ подносомъ, разводъ держалъ на караулѣ, а музыканты играли торжественный маршъ. Когда, наконецъ, подносъ былъ вынесенъ на середину, шаговъ на двадцать отъ фронта, подошелъ Аракчеевъ и, оторвавъ салфетку, взялъ бумагу и прочелъ, довольно громко, приблизительно слѣдующее:

— Государь императоръ, осмотрѣвъ такого-то числа вѣрныя мнѣ войска, изволилъ найти ихъ въ отличномъ состояніи, какъ по фронтовой, такъ, равно, и по хозяйственной части; почему, за ревностное и неусыпное стараніе нижепоименованныхъ начальствующихъ лицъ, представленныхъ отъ меня въ наградамъ, всемилоостивѣйше жалуетъ:

— Генералъ-маіоръ NN! — вызываетъ Аракчеевъ по списку.

Генералъ подходит и узнаеть, что государь, за усердную службу, жалуетъ его орденомъ св. Анны 1-й степени. Аракчеевъ беретъ съ подноса орденъ и надѣваетъ его на новаго кавалера, за что тотъ цѣлуетъ — сначала портретъ императора на груди у Аракчеева, а потомъ и самого Аракчеева, въ плечо, и отходитъ въ сторону; за нимъ подходятъ другіе, удостоенные награды. Когда очередь доходитъ до фонъ-Фрибена, голосъ Аракчеева возвышается и онъ громко провозглашаетъ:

— Имени моего полва командиръ, полковникъ фонъ-Фрибенъ!

Тотъ подходитъ, по привычѣ съ сжатыми вулаками, точно собираясь оттувить своего благодѣтеля. Графъ упоминаетъ о всей боевой (вулачной) службѣ своего фаворита и вручаетъ ему пожалованную золотую, осыпанную брилліантами, табатерку.

Надо замѣтить, что награды получали только генералы и штабъ-офицеры, командовавшіе отдѣльными частями; прочіе же смертные не были избалованы въ этомъ отношеніи, и Аракчеевъ обыкновенно говорилъ, что ихъ, т. е. младшихъ штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ, надо держать въ черномъ тѣлѣ, что только строгимъ съ ними обращеніемъ и можно заставить ихъ служить намъ слѣдуетъ.

По окончаніи церемоніи раздачи наградъ, графъ обращается къ остальнымъ предстоящимъ и объявляетъ:

— Государь императоръ поручилъ мнѣ изъяснить вамъ высочайшее его благоволеніе за вашу усердную службу (благоволеніе это потомъ и отпечатывалось въ приказѣ по военному поселенію).

Обращаясь затѣмъ къ разводу, Аракчеевъ провозглашаетъ:

— Государь благодаритъ гренадеръ за службу и проситъ передать такую же высочайшую благодарность всѣмъ ихъ товарищамъ.

Въ заключеніе графъ поздравлялъ получившихъ награды съ монаршею милостію и тѣмъ, обыкновенно, означивалась вся церемонія развода.

IV.

Начальство тогдашняго времени, въ обращеніи съ подчиненными вообще, не отличалось особенною деликатностью. Конечно, въ гвардіи, гдѣ служила преимущественно аристократическая

молодежь, богатая средствами и связями, соблюдались правила вѣжливости и общежитія; въ полкахъ армейской кавалеріи отношенія начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ офицерамъ были также болѣе или менѣе приличны, да иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ офицеры, служившіе въ гусарахъ, уланахъ и кирасирахъ, принадлежали, по большей части, къ средѣ состоятельныхъ, а нерѣдко и очень богатыхъ помѣщиковъ, и если шли на службу, то скорѣе изъ чести, какъ говорили тогда, а никакъ ужъ не ради тѣхъ скудныхъ средствъ, какія давала эта служба въ то время. Совсѣмъ иное дѣло было въ армейской пѣхотѣ. Здѣсь большинство офицеровъ существовало службою, т. е. тѣмъ, что отпускалось отъ казны: жалованьемъ, квартирою и прислугою въ натурѣ. Собственные средства были очень не у многихъ, да и то небольшія; поэтому, волей-неволей, приходилось держаться службы, и держаться тѣмъ крѣпче, что, по своему воспитанію, наше благородное военное сословіе вовсе не было подготовлено къ какой-либо иной дѣятельности и не могло, слѣдовательно, улучшить своего положенія переходомъ на другой родъ службы. Начальство наше очень хорошо, разумѣется, понимало все это и потому въ обращеніи съ подчиненными не слишкомъ-то стѣснялось. Аракчеевъ, напримѣръ, обращавшійся почти со всѣми одинаково грубо, почти всѣмъ говорилъ ты; эпитеты: «дуракъ», «болванъ», «оселъ» и т. п. такъ и сыпались, бывало, изъ сіятельныхъ его устъ, когда онъ осматривалъ какой-нибудь полкъ или команду. Всѣ наши поселенные генералы, а также командиры полковъ и баталіоновъ, слѣдуя примѣру своего главнаго начальника, были крайне грубы и дерзки, и въ отношеніи къ младшимъ офицерамъ нерѣдко позволяли себѣ такія неприличныя выраженія, что повторять ихъ не позволяеть одно уже чувство благопристойности.

Рѣдкіе, одиночные случаи протеста постоянно оскорбляемыхъ офицеровъ ни къ чему, разумѣется, не вели и дорого стоили самимъ протестующимъ; такъ называемыя жалобы скономъ имѣли тотъ же результатъ.

Въ 1822 году, въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ были выпущены изъ 1-го кадетскаго корпуса четыре офицера: Соллогубъ, Власовъ, Асосковъ и Дудитскій-Липинъ. Всѣ четверо,—могу смѣло сказать,—были образцовые офицеры: чест-

ные и очень серьезно относившіеся въ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ томъ же году, на ренетиціи царскаго смотра, полковой командиръ, вызвавъ прапорщика Соллогуба на середину поля, приказалъ ему учиться маршировать.

— Г. Полковникъ, — отвѣтилъ Соллогубъ, — въ уставѣ сказано, что если полковой или баталіонный командиръ найдетъ нужнымъ учить офицеровъ, то долженъ пригласить ихъ на свою квартиру или въ другое приличное мѣсто, а не дѣлать этого на плацу, передъ цѣлымъ полкомъ. Поэтому, г. полковникъ, я не могу исполнить вашего приказанія.

— Адъютантъ! — неистово возопилъ фонъ-Фризенъ. — Возьмите у него шпагу и отведите его на гауптвахту!

Юношу предали суду, по приговору котораго онъ былъ разжалованъ въ рядовые въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, и черезъ шесть лѣтъ, въ турецкую кампанію 1828 года, былъ убитъ.

Спустя нѣкоторое время, на баталіонномъ ученіи, баталіонный командиръ, подполковникъ Воронцовъ, своими неимовѣрно дерзкими выраженіями, вывелъ изъ верблюжьяго терпѣнія поручика Клейника, который наконецъ отказался отвѣчать на какой-то крайне грубый вопросъ своего начальника. Разумѣется, Клейникъ немедленно былъ отправленъ на гауптвахту, а на третій день увезенъ фельдъегеремъ Богъ-вѣсть куда; въ приказѣ же по полку было объявлено, что поручикъ Клейникъ исключается изъ списковъ полка.

Мы думали уже, что бѣднаго Клейника постигла такая же участь, какъ и Соллогуба; но, къ счастью, ему удалось отдѣлаться сравнительно дешево. Черезъ годъ послѣ его исчезновенія, одинъ изъ офицеровъ Аракчеевскаго полка встрѣтилъ Клейника въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, уже въ статскомъ платьѣ, и на вопросъ, гдѣ путешествовалъ? тотъ разсказалъ, что выси-дѣлъ годъ въ казематѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости, и теперь, молъ, «свободенъ какъ птица».

Около того же времени случилось слѣдующее: фельдфебель 5-й фузелерной роты принесъ въ прапорщику Духонину приказаніе отъ ротнаго командира, написанное крайне безтолково и безграмотно. Прочитавъ, и не будучи въ состояніи добратся до какого-нибудь смысла въ этомъ приказѣ, Духонинъ имѣлъ неосторожность выразиться вслухъ при фельдфебелѣ:

— Какой это дуракъ писалъ?

Фельдфебель повернулся на лѣво-кругомъ и, конечно, отпортовалъ объ этомъ ротному командиру, который, подъ вліяніемъ уязвленнаго самолюбія, не преминулъ, въ свою очередь, донести полковому командиру о такомъ неслыханномъ неуваженіи подчиненнаго къ своему непосредственному начальнику.

Духонинъ преданъ былъ суду, разжалованъ въ рядовые, въ тотъ же полкъ графа Аракчеева, въ польскую кампанію 1831 года получилъ знакъ отличія военнаго ордена и произведенъ былъ въ прапорщики.

Всѣ эти, а также и многіе другіе, подобныя имъ, случаи произвола не могли, конечно, не возмущать офицеровъ, которые постоянно подвергались, совершенно безнаказанно, различнымъ оскорбленіямъ со стороны ихъ начальства. Несмотря на суровость тогдашнихъ военныхъ законовъ и на всю силу временщика Аракчеева, сознавая вполнѣ всю беззащитность и беспомощность своего положенія, какъ мелкихъ подчиненныхъ, молодые офицеры рѣшились заявить государю, на предстоявшемъ тогда въ сбѣйшемъ смотру, о невыносимой службѣ, грубомъ и дерзкомъ обращеніи съ ними ихъ начальства. Послѣ неоднократныхъ обѣщаній, они положили сдѣлать это такъ: когда государь, по окончаніи смотра, будетъ объѣзжать войска и благодарить за службу, то всѣмъ офицерамъ, — конечно участвовавшимъ только въ заговорѣ, — встать на колѣна и, обратя этимъ на себя вниманіе государя, выразить свою претензію. Но такъ какъ заговорщики не были вполнѣ увѣрены другъ въ другъ и сомнѣвались, что каждый изъ нихъ не спасуетъ въ рѣшительную минуту и выполнитъ данное обѣщаніе, то и нашли необходимымъ связать себя взаимною присягою. Съ этою цѣлью, по окончаніи послѣдней репетиціи смотра, все общество собралось въ квартирѣ капитана Матвѣева, куда пригласили и младшаго полковаго священника, отца Тимофея Камчатова; но лишь только этотъ послѣдній успѣлъ надѣть епитрахиль и провозгласить: «мы, нижеподписавшіеся!!...», какъ вдругъ, о ужасъ! входитъ фонъ-Фрикенъ...

— Что здѣсь за сборище? — крикнулъ онъ. Почему ротные командиры пустили свои роты при однихъ фельдфебеляхъ?

Само собою разумѣется, что появленіе фонъ-Фрикена, кото-

раго офицеры называли «полковымъ воротилой», а солдаты — «Федоромъ Кулаковымъ», произвело на заговорщиковъ то же дѣйствіе, какъ паденіе бомбы, и разстроило всѣ ихъ предположенія.

Изъ всей собравшейся тутъ компаніи не потерялся, кажется, одинъ только поручикъ Евфимовъ, который вышелъ впередъ и объяснилъ грозному полководцу, что они собрались съ цѣлью отслужить общій молебенъ о благополучномъ окончаніи предстоявшаго высочайшаго смотра, для сего и пригласили «батюшку». Какъ ни казалось такое объясненіе естественнымъ, но фонъ-Фриенъ не обратилъ на него никакого вниманія и разогналъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ. Первымъ поспѣшилъ отретироваться отецъ Тимошей.

Въ это время Аракчеевъ осматривалъ работы по постройкѣ домовъ фурштатской роты, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ полковаго штаба. Дали-ли ему знать о происходившемъ собраніи или онъ самъ подозрѣвалъ что-либо не совсѣмъ обыкновенное, но только, на возвратномъ пути, графъ, не забывъ, противъ обыкновенія, въ штабъ полка, проѣхалъ полевою дорогою въ свое имѣніе Грузино.

Собраться снова, что-бы осуществить свое намѣреніе — свершить замысль присягою—никто изъ офицеровъ теперь уже и не думалъ. Всѣ понимали, что дѣло не выгорѣло, пропало, и что начальству все извѣстно и оно не замедлитъ принять необходимыя мѣры... Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, начальникъ штаба военныхъ поселеній, Клейнмихель (впослѣдствіи графъ и министръ путей сообщенія), потребовалъ къ себѣ капитана Иванова, штабсъ-капитана Титкова, поручика Евфимова и прапорщика Галкина (за что и за кого пострадалъ этотъ послѣдній, — невинная душа, — одинъ Богъ знаетъ) и объявилъ имъ высочайшую волю... Посадили ихъ, съ фельдъегеремъ, въ почтовыя тележки — и слѣдъ простылъ... только въ приказѣ отпечатали, что «такіе-то офицеры имени моего полка переводятся на службу въ дальніе сибирскіе гарнизоны»...

Надо, однако-жъ, замѣтить, что Клейнмихель, при прощаніи съ ссыльными, со слезами на глазахъ далъ имъ слово, что черезъ годъ они будутъ возвращены. Обѣщаніе это дѣйствительно было исполнено: Евфимовъ и Титковъ возвратились въ тотъ же полкъ, а двое другихъ — въ армію.

V.

Три раза въ годъ, а именно: въ первый день св. Пасхи, въ Рождество и въ день св. Апостола Андрея Первозваннаго, шефъ полка, графъ Аракчеевъ, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ нижнихъ чиновъ своего полка, т. е., конечно, не всѣхъ, а по одному унтеръ-офицеру и рядовому отъ каждой роты, что составляло команду въ 24 человекъ. Приглашеніе это дѣлалось всегда собственноручною запискою Аракчеева слѣдующаго содержанія:

«Шефъ полка проситъ достойныхъ гренадеръ, въ такову-то числу, пожаловать къ нему и раздѣлить съ нимъ трапезу».

По полученіи въ полковомъ штабѣ такого приглашенія, сейчасъ же писались въ роты записки о назначеніи желающихъ, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ — о нарядѣ людей на шефскій обѣдъ.

Въ 1823 году, къ празднику Андрея Первозваннаго, 30-го ноября, получено было въ полку обычное приглашеніе. Я былъ тогда еще подпрапорщикомъ и, по заведенному въ полку порядку, исполнялъ службу наравнѣ со всѣми унтеръ-офицерами. Изъ любопытства-ли, или же изъ какаго-то, совершенно непонятнаго теперь для меня, честолюбія, я отправился къ ротному командиру, съ просьбою назначить меня на графскій обѣдъ.

Наряженный уже на эту службу унтеръ-офицеръ очень обрадовался, что нашелся таковой простота — охотникъ до шефскихъ обѣдовъ — и, конечно, съ удовольствіемъ уступилъ мнѣ свое мѣсто. Начались приготовленія — чистка аммуниціи, мундира и т. п. Все пригонялось, осматривалось, передѣлывалось и снова пригонялось и осматривалось, пока опытный глазъ командира не находилъ уже никакихъ погрѣшностей.

Сборнымъ пунктомъ нашей команды назначенъ былъ правый флангъ полка, т. е. во 2-й гренадерской ротѣ, откуда мы, 30-го ноября, раннимъ утромъ, подъ начальствомъ фельдфебеля, Якова Гавриловича Протопопова (любимца Аракчеева), и при одной конной подводѣ, отправились къ мѣсту торжества — въ с. Грузино. По прибытіи въ деревню Палички (въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ с. Грузино), вся команда одѣлась въ парадную походную форму: мундиры, краги, португези и кивера въ чехлахъ.

Почтеннѣйшій Яковъ Гавриловичъ, до тонкости изучившій нравъ и требованія графа Аракчеева, во все время нашего путешествія читалъ намъ наставленія, какъ вести себя въ гостяхъ у графа, гдѣ молвить да, гдѣ—нѣтъ, а гдѣ и совсѣмъ промолчать.

— Но, смотрите, — прибавлялъ онъ, — при всякомъ отвѣтѣ величать графа отцомъ и благодѣтелемъ!

Наконецъ раздался благовѣстъ къ обѣднѣ и мы, подтянувшись и еще разъ оправившись, выстроились по-ротно по два въ рядъ, и отправились въ церковь. По окончаніи литургіи и молебствія, наша команда выстроилась передъ церковью, въ ожиданіи выхода великаго Могола военныхъ поселеній. Вышелъ, наконецъ, и онъ.

— «Здорово гренадеры!»

— Здравія желаемъ вашему сіятельству, — гаркнули мы всѣми легкими.

— «Здоровъ-ли вашъ полковой командиръ?» — спросилъ графъ.

— Слава Богу! Поручилъ намъ поздравить ваше сіятельство съ престольнымъ праздникомъ, — отвѣтилъ уже одинъ Яковъ Гавриловичъ.

— «Спасибо! Прошу васъ, молодцы, раздѣлить со мною трапезу», — сказалъ Аракчеевъ.

Намъ скомандовали на-право, и повели въ стройномъ порядкѣ, какъ на парадѣ, въ подвальный этажъ бельведера графскаго дома, гдѣ уже былъ накрытъ столъ человекъ на тридцать. Выстроившись въ столовой въ томъ же порядкѣ, какъ и по выходѣ изъ церкви, но уже безъ киверовъ, мы ожидали нашего шефа. Онъ вошелъ и еще разъ поздоровался съ нами. вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ столовую вошли: командиръ Архангельскаго порта — Миницкій, тверской помѣщикъ Волынский и еще какой-то статскій — какъ я узналъ послѣ — дѣйствительный тайный совѣтникъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ.

Обѣдъ начался тѣмъ, что лакей, въ либреѣ, обшитой басонами съ Аракчеевскимъ гербомъ, на которомъ красовался извѣстный девизъ: «безъ лести преданъ», внесъ подносъ съ небольшимъ графиномъ водки и крошечною, въ родѣ дамскаго наперстка, рюмкою синяго стекла. Сначала поднесли, конечно, графу, потомъ гостямъ, по старшинству ихъ чиновъ, а наконецъ

и намъ — гренадерамъ. Когда очередь дошла до меня, я, по молодости своей, пропустилъ мимо эту горькую чашу; другіе же выпили, съ желаніемъ здоровья шефу полка. Уморительно было смотрѣть, какъ неловко и съ какимъ страхомъ брали гренадеры графинъ, наливали дрожащею рукою рюмочку и, выпивая за-ключавшіяся въ ней нѣсколько капель водки, какъ-то удивленно поглядывали то другъ на друга, то на ливрейнаго лакея, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и серьезѣйшею фізіономіею останавли-вавшася передъ каждымъ солдатомъ.

Послѣ этой церемоніи, всѣ присутствовавшіе, помолясь въ передній уголъ, усѣлись за столъ и начался не пиръ, а очень и очень скромный обѣдъ. Намъ, нижнимъ чинамъ, подали щи съ кислой капустой, пироги съ говяжьей начинкой, жареную говядину и какую-то кашу, а въ заключеніе обѣда по стакану кислѣйшаго бѣлаго вина, въ родѣ извѣстнаго русскаго кислаго кваса.

Когда стаканы были налиты этой кислотной, представитель нашъ, Яковъ Гавриловичъ Протопоповъ, всталъ съ своего мѣста (конечно, за нимъ поднялись и мы всѣ) и провозгласилъ тостъ за здоровье сіятельнаго хозяина. Послѣ этого всѣ гости поднялись и, помолясь Богу, обратились съ благодарностью къ Аракчеву, который въ отвѣтъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «чѣмъ богать, тѣмъ и радъ».

Въ это время въ столовую явилась дама, съ извиненіемъ, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могла принять участія въ обѣдѣ. Дама эта, одѣтая, впрочемъ, очень просто, неволью обра-щала на себя вниманіе своимъ гренадерскимъ ростомъ, дебели-остью и черными, огненными глазами. Это была извѣстная тогда не только по военнымъ поселеніямъ, но и по всей Россіи — На-стасья Ѳедоровна Шумская, занимавшая высокій постъ въ Гру-зино, въ качествѣ друга Аракчева.

Когда мы, выстроившись фронтомъ, въ двѣ шеренги — унтеръ-офицеры въ первой, а рядовые — во второй, провозгласили:

«Благодаримъ покорнѣйше, ваше сіятельство, за хлѣбъ, за соль!» Аракчевъ проговорилъ:

— Спасибо и вамъ, господа гренадеры, что не забыли меня, старика Прошу и впредь меня помнить!

Въ эту минуту вошелъ официантъ съ подносомъ, на кото-ромъ лежали какіе-то бумажные свертки, въ видѣ небольшихъ

колбасикъ. Лакей подошелъ сперва къ Протопопову, а потомъ и ко всѣмъ намъ.

— Прошу принять отъ меня, на дорогу,—сказалъ графъ.

Мы, конечно, разобрали поднесенные намъ свертки и поблагодарили.

— Спасибо сказалъ еще разъ Аракчеевъ; передайте мой поклонъ Федору Карловичу (фонъ-Фрикemu) и попенайте ему, что не удостоилъ меня, старика, своимъ посѣщеніемъ.

«Счастливо оставаться вашему сіятельству, благодаримъ покорнѣйше!»—прогремѣли мы всею командой и мѣрнымъ шагомъ, въ прежнемъ порядкѣ, отправились на свою квартиру, въ деревню Паличьи.

— Ну, что, молодцы? Хорошо-ли васъ угостили?—спросилъ насъ квартирный хозяинъ, лукаво улыбаясь.

«Всѣмъ довольны! отвѣчали мы, и помня наставленія Якова Гавриловича, прибавили:

«Это не начальникъ, а отецъ родной, истинный благодѣтель!»

Тотчасъ по приходѣ съ обѣда, мы переодѣлись, уложили вещи и тронулись въ обратный путь, и только когда прошли послѣднюю деревню почувствовали себя на свободѣ и обратились къ своей подводѣ, на которой, между мундирами и аммуниціею, у старыхъ солдатъ припрятаны были узелки съ хлѣбомъ. Изъ страха въ хозяину-графу и вслѣдствіе невыносимо тѣсныхъ мундировъ, мы очень плохо пообѣдали; поэтому теперь вся команда порядкомъ набросилась на сухой хлѣбъ. Потомъ мы полюбопытствовали—что заключается въ тѣхъ бумажныхъ колбасикахъ, которыми насъ угостили вмѣсто десерта. Оказалось, что въ поднесенныхъ намъ сверткахъ было по десяти мѣдныхъ пятаконъ, а въ сверткѣ Протопопова, какъ фельдфебеля, двадцать.

— Ничего!—проговорилъ одинъ солдатикъ.—Годится на банку и свѣчку, а не то, пожалуй, хватить и пропустить малую толику.

«Ну, братъ, — замѣтилъ старый усатый унтеръ, — лучше отслужи-ка молебень царицѣ небесной, что вынесъ Богъ тебя цѣлаго, да что-бы не пришлось въ Рождеству опять отправляться за этими пятаками».

Молчаніе остальныхъ гренадеръ ясно свидѣтельствовало, что слова стараго служиваго выражали общее мнѣніе; даже самъ Яковъ Гавриловичъ не нашелся, что сказать въ защиту граф-

скаго обѣда, только нахмурилъ свои густыя брови, да какъ-то конфузливо врякнулъ.

VI.

Въ исходѣ 1824 года, Аракчеевъ, будучи въ нашемъ полку, осматривалъ строительныя работы, которыми остался очень доволенъ, и производителя работъ, инженернаго капитана Симкова, посадилъ лично самъ на гауптвахту, за рѣшетку, вмѣстѣ съ арестованными нижними чинами; при этомъ графъ, почти не помня себя отъ раздраженія, самъ заперъ дверь арестантской комнаты и ключъ положилъ въ себѣ въ карманъ.

Когда Аракчеевъ, ведя за собою несчастнаго Симкова, проходилъ мимо дома, занимаемаго холостыми офицерами, около этого дома можно было замѣтить мужика съ окладистой черною бородою и съ георгиевскимъ крестомъ на груди; это былъ голова села Грузино, Шишкинъ. Завидя графа, онъ скрылся за домъ, а когда процессія миновала, обратился къ одному изъ бывшихъ тутъ офицеровъ съ просьбою доложить полковому командиру, что ему необходимо переговорить съ нимъ, по секрету отъ графа. Фонъ-Фрикенъ подошелъ къ нему и спросилъ:

«Что надо?»

— У насъ, въ Грузино, ваше высокоблагородіе, неблагополучно, — проговорилъ Шишкинъ. Настасья Федоровна оченно больна.

Фонъ-Фрикенъ поблѣднѣлъ и, бросившись за Аракчеевымъ, дрожащимъ голосомъ передалъ ему извѣстіе, привезенное грузинскимъ головой.

Графъ вздрогнулъ, лицо его вдругъ какъ-то исказилось и онъ... зарыдалъ...

Видъ плачущаго Аракчеева представлялъ зрѣлище до того поразительное, что намъ всѣмъ, людямъ, болѣе или менѣе нерасположеннымъ къ нему, перенесшимъ отъ него много обидъ и оскорбленій, сдѣлалось, однако-жъ, какъ-то не-по-себѣ, стало жутко, стало даже жалко его. Намъ тяжело было видѣть неподдѣльное горе этого человѣка - звѣря, не знавшаго ни жалости, ни состраданія къ своимъ подчиненнымъ и подневольнымъ, хладнокровно, не содрогнувшись, подписывавшаго смертныя приговоры, — говорю смертныя, такъ какъ наказаніе шпицрутенами черезъ

1,000 человекъ три-четыре раза — несомнѣнно та же смертная казнь, только медленная и потому гораздо мучительнѣйшая... Только въ эту минуту, — можетъ быть въ первый разъ во всю его жизнь, — проглянула въ Аракчеевъ человѣческая сторона, выказалось, что и онъ не былъ чуждъ человѣческаго чувства...

— Нѣтъ! она болѣе не существуетъ! — скорѣе прохрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ онъ. — Лошадей! — крикнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ.

Черезъ пять минутъ коляска была подана. Аракчеевъ всочинилъ въ нее, посадилъ съ собою фонтъ-Фригена и полковаго доктора Миллера и понесся маршъ-маршемъ. Но въ Грузино Аракчеевъ не поѣхалъ: онъ послалъ туда фонтъ-Фригена и Миллера, а самъ остался въ селѣ Пшеничище, у помѣщика Путятина, въ семи верстахъ отъ Грузино.

Фонтъ-Фригенъ и Миллеръ, прибывъ на мѣсто преступления, сейчасъ же распорядились заковать, по рукамъ и по ногамъ, всѣхъ дворовыхъ людей графа, безъ разбора, какъ причастныхъ, такъ и непричастныхъ ровному дѣлу. Аракчеевъ пріѣхалъ домой только къ вечеру и немедленно потребовалъ къ себѣ злодѣевъ, которые и были приведены въ нему въ цѣпяхъ.¹⁾

По словамъ доктора Миллера, неистовству этого человѣка, потерявшаго женщину, къ которой онъ, какъ извѣстно, былъ искренно привязанъ, не было мѣры. Оборвавъ борты сюртука и обнаживъ грудь, онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ: «рѣжь меня, коли, злодѣй!» и наконецъ упалъ безъ чувствъ.

Пока все это происходило въ Грузино, бѣдный Симковъ оставался въ арестантской, ключъ отъ которой Аракчеевъ взялъ съ собою. Въ самомъ разгарѣ драмы, послѣдовавшей за убійствомъ Настасьи Федоровны, никто, разумѣется, не рѣшился подступить къ обезумѣвшему отъ горя графу и спросить его — какъ быть съ арестованнымъ инженернымъ капитаномъ; ближайшія власти сами уже рѣшились сломать замокъ и освободить его изъ-подъ ареста, а также дали возможность и другимъ арестантамъ удовлетворить необходимымъ естественнымъ потребностямъ.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что помѣщенный въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г., т. VI, стр. 225 — 242; 547 — 558)

¹⁾ Подлинное дѣло объ убійствѣ Настасьи Шумской напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 262 — 294; см. также т. III, стр. 241 — 244.

воспоминанія объ Аракчеевѣ почтеннаго и многоуважаемаго доктора Ивана Исааковича Европеуса, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ и любовью общества офицеровъ гренадерскихъ графа Аракчеева и короля Прусскаго полковъ, грѣшатъ нѣсколько, такъ сказать, въ топографическомъ отношеніи. Въ статьѣ этой, между прочимъ, сказано, что извѣстіе объ убійствѣ Настасьи Федоровны достигло Аракчеева тогда, когда онъ былъ въ Прусскомъ полку.

Присутствуя лично при томъ моментѣ, когда фонъ-Фрибенъ докладывалъ графу объ опасной болѣзни его любовницы, и будучи свидѣтелемъ отчаянія Аракчеева при этомъ извѣстіи, я думаю, что почтеннѣйшій Иванъ Исааковичъ, по давнему времени, ошибся въ опредѣленіи мѣста. Это случилось именно въ расположеніи гренадерскаго графа Аракчеева полка: исторія арестованія капитана Симкова въ солдатской арестантской и ключъ отъ двери этой арестантской, оставшіяся въ карманѣ Аракчеева, могутъ служить подтвержденіемъ приведеннаго мною разсказа.

Мщеніе Аракчеева убійцамъ его друга было безпощадно. Цѣлыя рѣки крови пролиты были въ память погибшей графской любовницы и въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ чуть-ли ни всей Новгородской губерніи. Описывать подробно всѣ кровавыя сцены, происходившія тогда на берегахъ Волхова, — сцены, которыхъ я, въ моему несчастію, былъ невольнымъ свидѣтелемъ, — я не берусь, не желая возмущать чувство человѣчности въ моихъ читателяхъ; да мнѣ и самому слишкомъ тяжело было бы переживать тѣ ощущенія, какія я тогда испытывалъ. Скажу только нѣсколько словъ о той обстановкѣ этихъ казней, какую ревнивые исполнители воли всемогущаго временщика постарались придать кровавому мщенію его за смерть возлюбленной.

Въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г., — хорошо теперь не упомяну, — приказомъ по полку наша рота назначена была къ походу въ село Грузино. Рота приведена была на военное положеніе, людямъ розданы были боевыя патроны, по 60 на человѣка, и мы отправились въ резиденцію Аракчеева, куда, къ этому времени, привезены были изъ Новгорода и преступники. На другой день назначена была самая казнь правому и виноватому, безъ разбора.

Мѣстомъ казни была избрана обширная поляна по дорогѣ изъ деревни Палички въ село Грузино, противъ колоннады церкви

св. Андрея Первозваннаго. Въ 9 часовъ утра рота наша вышла съ квартиръ и оцѣпила лобное мѣсто. Сзади цѣпи солдатъ стояли собранные, почти со всего поселенія, крестьяне съ женами и дѣтьми, всего около четырехъ тысячъ человекъ. Посрединѣ оцѣпленнаго пространства вретъ былъ станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, по случаю холоднаго времени, горѣли огни, а около нихъ прогуливались, въ ожиданіи дѣла, заплечные мастера, то и дѣло прикладывавшіеся къ огромной бутылѣ съ водою, поставленной, со ставаномъ, около станка. Распорядители казнью нашли, вѣроятно, необходимымъ обезпечить сердце палачей отъ опасности воспламениться тою искрою, которая зовется чело-вѣчностью, и хотѣли залить въ нихъ виномъ всякое чувство со-страданія въ несчастнымъ преступникамъ. А между тѣмъ, большинство этихъ «преступниковъ» и даже самъ убійца, заслуживали несравненно большаго участія, чѣмъ всѣ эти клеветы Аракчеева, проливавшіе горькія слезы о погибшей варваръ-женщинѣ...

Но набросимъ, читатель, покровъ на то, что происходило потомъ на этихъ мирныхъ поляхъ. Мнѣ, невольному свидѣтелю казни, при воспоминаніи объ этой трагедіи, и теперь еще слышатся рѣзкіе свистящіе звуки ударовъ влута, страшные стоны и крики истязуемыхъ и каковой-то глухой, подавленный вздохъ тысячной толпы народа, въ назиданіе котораго совершались эти истязанія...

Время Аракчеева—было время желѣзное, мрачное, по своей жестокости. Чуть-ли ни вся Россія стономъ стонала подъ ударами. Били въ войскахъ, въ шеолахъ, въ городахъ и деревняхъ, на торговыхъ площадяхъ и въ конюшняхъ, били и въ семьяхъ, считая битье какою-то необходимою наукою — ученіемъ. Въ то время дѣйствительно, кажется, вѣрили, что одинъ битый стоитъ двухъ небитыхъ, и что вѣрнѣйшимъ средствомъ не только противъ всякаго заблужденія и шалости, но даже и противъ глупости, чуть-ли не идиотизма — было битье. Вѣроятно вслѣдствіе этого убѣжденія, палка гуляла и по старому и по малому, не щадя ни слабости дѣтскаго возраста, ни сѣдины старости, ни женской стыдливости.

Въ поселенныхъ войскахъ битье процвѣтало въ особенности, обратилось въ дѣйствительную науку и даже выработало особыхъ

экспертовъ по этой части. Аракчеевъ, конечно, зналъ объ этомъ, и потому, вѣроятно, командиръ нашего полка, Федоръ Карловичъ фонъ-Фрибенъ, прозванный солдатами Федоромъ Кулаковымъ, и пользовался особенною его благосклонностью.

Если кто-либо изъ дворовыхъ людей Аракчеева имѣлъ несчастіе провиниться въ чемъ-нибудь, графъ обыкновенно писалъ нашему полковому командиру такую записку:

«Препровождаемаго при семъ Федота Аксенова прогнать черезъ пятьсотъ человекъ одинъ разъ, поручивъ исполненіе этого маіорамъ Писареву, или князю Енгальчеву».

Объ эти маіорскія личности славились въ Аракчеевскомъ полку своими боевыми качествами.

Вѣря въ назидательность публичности подобныхъ наказаній, Аракчеевъ, вмѣстѣ съ виновнымъ, присылалъ всегда и нѣсколько человекъ зрителей изъ своей дворни; эти послѣдніе, одѣтые въ парадныя ливреи, съ гербовыми басонами, шли всегда по той же зеленой улицѣ, по которой тащили и главное дѣйствующее лицо этой драмы, — непосредственно за нимъ. По окончаніи церемоніи, несчастнаго лакея, побывавшаго въ наукѣ у Писарева, или Енгальчева, отвозили, конечно, въ госпиталь, гдѣ онъ и оставался иногда цѣлые мѣсяцы, а невольные ливрейные свидѣтели ученія отправлялись обратно въ Грузино и, по прибытіи туда, должны были передать, во всѣхъ подробностяхъ, видѣнное ими своимъ товарищамъ.

VII.

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ Аракчеевщинѣ встаетъ цѣльная, полнолѣсная фигура маіора Федора Евфимовича Евфимова, личности далеко недюжинной по своему энергическому характеру и по той силѣ воли, съ какою онъ переносилъ разныя невзгоды своей служебной карьеры.

Евфимовъ, по формулярному его списку, значился изъ ямщиковъ Крестецкаго уѣзда, села Зайцева (Яжелбицы—то-жѣ), что на Московской дорогѣ. По сдачѣ въ рекруты, онъ поступилъ на службу въ Ростовскій мушкетерскій полкъ, переименованный въ 1807 году въ гренадерскій графа Аракчеева; отсюда, при реформированіи—не помню въ точности л.-гв. Волынскаго или Литовскаго полка,—Евфимовъ, въ званіи фельдфебеля, вмѣ-

стѣ со 2-ю гренадерскою ротою, подъ командою капитана Тимоѣева, поручика Самбурскаго и подпоручика Неѣлова, переведенъ былъ въ гвардію. По производствѣ, въ 1812-мъ году, въ подпоручики, онъ назначенъ былъ въ полкъ графа Аракчеева, гдѣ и продолжалъ свою службу съ равными превратностями до 1827 года.

Когда, въ 1817 году, 2-й баталіонъ Аракчеевскаго полка былъ отдѣленъ отъ полка и, подъ командою майора фонъ-Фрикена, ушелъ изъ С.-Петербурга, для основанія военнаго поселенія, то и капитанъ Евфимовъ, командовавшій тогда 2-ю гренадерскою ротою, назначенъ былъ въ число дѣятелей этого новаго великаго дѣла. Тутъ-то Ѳедоръ Евфимовичъ попалъ, что называется, въ свою колею и замѣтно выдвинулся изъ среды рьяныхъ исполнителей Аракчеевскаго замысла. Онъ первый наложилъ свою мощную руку на священную бороду мирнаго селянина, и не воображавшаго, до того, что его бобровая бородушка исчезнетъ подъ косою желѣзнаго времени и рукою Ѳедора Евфимовича, который, во всю свою ямскую мощь, старался исказить русскаго крестьянина и сдѣлать изъ него солдата-пахаря...

Совершенно безграмотный, съ большимъ трудомъ, и то только при помощи своего фельдфебеля, Лаптева, подписывавшій, какими-то невозможными каракулями, свою фамилію, деспотъ, съ желѣзною волею, грубый и неотесанный, Евфимовъ тяжелымъ гнетомъ давилъ все ему подначальное. Но, несмотря на всю грубость и дубоватость своей натуры, онъ былъ, однако-жъ, далеко неглупъ и ловко умѣлъ подлаживаться и подъ обстоятельства, и подъ характеръ людей, власть имѣющихъ. Въ особенности достойно удивленія было въ немъ одно качество — это какое-то чувство обонянія или предъугадыванія — нѣчто высшее инстинкта животныхъ: онъ, на примѣръ, всегда, и почти безошибочно, заранее зналъ, когда Аракчеевъ пріѣдетъ въ полеъ. Евфимовъ бралъ тогда нѣсколько человекъ изъ поселянъ-хозяевъ и, выйдя съ ними въ поле, прилегающее къ той дорогѣ, по которой, обыкновенно, ѣздилъ Аракчеевъ, начиналъ преподавать имъ практическій урокъ земледѣлства.

Современному читателю довольно трудно, я думаю, представить себѣ эту картину: штабъ-офицеръ, въ эполетахъ, идетъ по

полю за сохою, а за нимъ плетется цѣлое капральство солдатъ-поселянъ!...

Ѣдетъ графъ, видитъ эту интересную картину, умиляется, и, остановившись, спрашиваетъ:

— Что это ты, Федоръ Евфимовичъ, самъ безповоинись? могъ бы, кажется, заставить и помощника своего заняться этимъ дѣломъ.

Евфимовъ, вмѣсто отвѣта, привѣтствуетъ графа по-солдатски:

«Здравія желаемъ вашему сіятельству, и поздравляемъ съ прїѣздомъ, котораго совершенно не ожидали!»

Затѣмъ уже Евфимовъ объясняетъ, что личное его участіе въ землешествѣ вызывается тѣмъ, что многихъ хозяевъ надо еще учить какъ ходить за сохою.

Аракчеевъ благодаритъ его за усердіе поцѣлуемъ и приглашаетъ къ себѣ въ коляску, объявляя, что Ѣдетъ къ нему пить чай.

Но Федоръ Евфимовичъ недолго, однако-жъ, красовался на своемъ пьедесталѣ. По неразвитости-ли, по свойственнымъ-ли, — вообще натурѣ русскаго человѣка нравственной распущенности, — самонадѣянности, и т. п. отечественнымъ добродѣтелямъ, но онъ не могъ удержаться на высотѣ того положенія, на которое его подняли фаворъ и капризъ всеильнаго временщика.

Въ 1823 году полковой командиръ дѣлалъ инспекторскій смотръ поселенному баталіону (т. е. 2-му), по-ротню, начавъ таковой со 2-й гренадерской роты.

На опросѣ нижніе чины этой роты заявили претензію на своего ротнаго командира, маіора Евфимова, жалуясь, между прочимъ, на то, что онъ, какъ ихъ самихъ, такъ и женъ ихъ, жестоко наказываетъ за малѣйшую неисправность; что деньги, отпускаемыя на продовольствіе кантонистовъ, Евфимовъ удерживаетъ у себя; что изъ слѣдующаго, ежегодно, въ раздачу поселянамъ, по случаю падежей рогатаго скота,¹⁾ лучшіе особи отбираются ротнымъ командиромъ и отправляются къ нему въ усадьбу, близъ города Валдая; то же самое дѣлается и съ овцами; по отчетамъ же, присвоенные себѣ Евфимовымъ быки и коровы, показываются павшими, а овцы — съѣденными волками.

¹⁾ Скотъ этотъ покупался въ Архангельской губерніи, преимущественно извѣстной холмогорской породы, и обходился казнѣ довольно дорого. А. Г.

Полковой командиръ, при всемъ своемъ расположеніи къ Евфимову и при всемъ желаніи не выносить сора изъ избы, не могъ, однако-жъ, замять это дѣло, такъ какъ заявленная 2-ю гренадерскою ротою претензія сдѣлалась извѣстною по всему поселенію; Аракчеевъ же, хотя и зналъ, конечно, о вѣровствѣ разнаго начальства и смотрѣлъ вообще на это свозъ пальцы, очень хорошо сознавая всю неизлечимость вѣковаго зла, но не любилъ что-бы объ этомъ говорили, и въ подобныхъ случаяхъ не шутилъ.¹⁾ Поэтому, дѣлать было нечего, пришлось нарядить слѣдственную комиссію, которая, кромѣ подтвержденія заявленныхъ ротою претензій, открыла и еще кое-какія злоупотребленія со стороны ротнаго командира.

По окончаніи слѣдствія, дѣло было представлено на разсмотрѣніе графа Аракчеева, который недолго думая, подтвердилъ такъ:

«По высочайшему повелѣнію имени моего полка маіоръ Евфимовъ лишается чина и орденовъ и записывается въ рядовые въ тотъ же полкъ графа Аракчеева».

Когда дежурный по полку, капитанъ Дядинъ, прочелъ Евфимову подтвержденіе и приказалъ ему надѣть солдатскую шинель, тотъ совершенно спокойно, съ полнѣйшимъ самообладаніемъ, снялъ съ себя свой сюртукъ съ эполетами и, принимая поданную ему сѣрую шинель, сказалъ:

— Здравствуй, моя старая знакомая! Опять намъ пришлось свидѣться съ тобой!

Надѣвъ шинель, Евфимовъ громко провозгласилъ:

— Здравія желаю ваше благородіе! Въ какую роту прикажете явиться?

¹⁾ Честность и безкорыстіе самого Аракчеева не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ берегъ казенную копѣйку, былъ очень скупъ на нее и строго разграничивалъ свои собственныя средства отъ казенныхъ. Если онъ былъ богатъ, то этимъ богатствомъ обязанъ исключительно щедротамъ своего царственнаго друга и той простотѣ и строгой бережливости, которыя онъ ввелъ въ свой образъ жизни и домашнее хозяйство. Всякое плутовство и мошенничество, какъ только онъ узнавалъ о нихъ, строго имъ преслѣдовались; если же онъ относился довольно равнодушно къ нѣкоторымъ явленіямъ полковой экономіи, то, кажется, единственно вслѣдствіе сознанія, что, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ безсиленъ искоренить это зло, вошедшее, повидному, въ плоть и кровь служившаго тогда люда.

Будучи зачисленъ въ 1-ю фузелерную роту, которая занимала въ тотъ день караулъ при полковомъ штабѣ, онъ отправился въ кордегардію, отрехомендовался караулу и просилъ гренадеръ любить его и жаловать; по выходѣ съ гаунтвахты, онъ снялъ шапку передъ первымъ попавшимся ему унтеръ-офицеромъ, а при встрѣчѣ съ однимъ изъ юнѣйшихъ прапорщиковъ вытянулся во фронтъ. Затѣмъ явился въ фельдфебелю роты и капральному унтеръ-офицеру и былъ помѣщенъ въ числѣ непоселенныхъ нижнихъ чиновъ (т. е. унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ), получилъ всю боевую сбрую, которую и привелъ собственно ручно въ полный порядокъ. На четвертый день, по снятіи густыхъ эполетовъ, Евфимовъ шилъ уже башмаки, отправляя ихъ въ свою валдайскую усадьбу для дворни; въ этой же усадьбѣ жила и жена его, заправляя хозяйствомъ.

Ни отъ какихъ служебныхъ обязанностей Евфимовъ никогда не уклонялся и вездѣ былъ первымъ. Во фронтѣ онъ ни за-что не хотѣлъ встать въ заднюю шеренгу, говоря, что «съ возельямской телѣги поступилъ прямо въ первую»; когда же онъ бывалъ въ караулѣ, то всегда просилъ не назначать его на часы въ какое-нибудь теплое захоluste, а непременно у фронта, на платформѣ гаунтфахты. За то, когда онъ стоялъ на часахъ, караульный офицеръ могъ быть спокоеенъ, будучи увѣренъ, что караулъ во-время будетъ вызванъ для отдачи чести начальству, — а тогда караулъ выходилъ въ ружье при проѣздѣ и проходѣ всякаго начальства! Однимъ словомъ, Евфимовъ былъ до мозга костей лихимъ русскимъ солдатомъ стараго времени. Никто никогда не слышалъ отъ него ни одной жалобы на судьбу, хотя ему и было на что жаловаться, о чемъ пожалѣть: онъ все переносилъ безъ ропота, усердно молясь Богу...

Безпощадно суровый прежде въ своимъ подчиненнымъ, не знавшій, кажется, жалости при наказаніи провинившихся подначальныхъ ему людей, Федоръ Евфимовичъ теперь, словно, переродился, точно постигшее его несчастіе принесло для него какое-то отероженіе свыше о необходимости братской любви между людьми и милосердія къ нимъ... Каждый изъ его новыхъ сотоварищей-солдатъ, въ случаѣ какой-либо невзгоды или затрудненія, обращался къ нему и онъ, дѣйствительно, помогаль чѣмъ могъ — дѣломъ, словомъ, совѣтомъ, участіемъ... Глядя на этого

человѣка, одинадцать лѣтъ носившаго эполеты, пользовавшагося особенною любовью Аракчеева, не слышавшаго въ немъ, что называется, души; лично извѣстнаго государю, который всегда благосклонно и пріятливо относился къ этому фавориту своего друга, видя, съ какою душевною твердостью и силою воли онъ несъ выпавшій на его долю тяжелый крестъ, невольно удивлялся и жалѣлъ, что такая замѣчательная душа была зашита въ такую грубую оболочку...

Въ слѣдующемъ 1824 году государь смотрѣлъ нашъ полкъ и, при проѣздѣ мимо 2-го взвода 1-го баталіона, Аракчеевъ остановилъ государя и, указывая рукою на Евфимова, спросилъ:

— Узнаешь-ли, государь, этого гренадера?

— «Нѣтъ!» — отвѣчалъ государь.

— Это твой бывший любимецъ — Евфимовъ, — сказалъ Аракчеевъ.

Государь замѣтилъ, что графъ поступилъ съ нимъ слишкомъ жестоко; но Аракчеевъ, возвыся свой гнусливый голосъ, громко проговорилъ:

— Кто не умѣлъ дорожить высочайшимъ вниманіемъ и милостію царя, тотъ не заслуживаетъ никакой жалости!

Терновому поприщу Федора Евфимовича не суждено было, однако-жъ, кончиться обыкновеннымъ образомъ.

Онъ продолжалъ свою службу, по прежнему, ретиво и безпечно; но въ 1825 году на него нашла новая туча.

2-я гренадерская рота, которою командовалъ когда-то Евфимовъ, при инспекторскомъ опросѣ полковымъ командиромъ, фонъ-Фрикеномъ, заявила какую-то претензію и на самого полковаго командира, при чемъ, въ смѣлыхъ выраженіяхъ, настойчиво и рѣшительно требовала для себя какихъ-то уступокъ и льготъ. Будучи заведены при опросѣ, на-право и на-лѣво, въ кружокъ, люди сплотились очень тѣсно и слишкомъ близко подвинулись къ фонъ-Фрикену, который, опасаясь какого-либо насилія, бросился въ толпу, пробился изъ круга, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Вслѣдъ ему раздавалось нѣсколько голосовъ, по всей вѣроятности, повторявшихъ заявленныя уже просьбы, но что, конечно, было противно установившемуся порядку службы и правиламъ строгой воинской дисциплины.

О происшествіи этомъ было тотчасъ же, разумѣется, доведено

до свѣдѣнія Аракчеева; но такъ какъ это случилось за два дня до праздника Пасхи, то графъ прїѣхалъ въ полкъ только на третій день Святой недѣли.

Поселенный баталіонъ былъ собранъ и началась расправа, о подробностяхъ которой лучше умолчу: это былъ по истинѣ, Шемякинъ судъ, — были и виноватыхъ и правыхъ, и послѣднимъ, какъ это подчасъ водится и донинѣ, досталось, пожалуй, еще больше чѣмъ первымъ.

Въ этотъ день я былъ въ караулѣ при полковомъ штабѣ и принималъ подъ арестъ нѣсколько десятковъ поселенъ-хозяевъ, въ томъ числѣ и фельдфебеля 2-й гренадерской роты. Послѣ всѣхъ, за усиленнымъ конвоемъ, при офицерѣ, привели Федора Евфимова и унтеръ-офицера Алфимова, съ приказаніемъ посадить ихъ въ темный казематъ, подъ замокъ, что, конечно, и было тотчасъ исполнено мною. Спустя часъ по приводѣ этихъ двухъ арестантовъ, явился и самъ Аракчеевъ, ведя на казнь главныхъ зачинщиковъ «возмущенія». Караулъ вышелъ въ ружье и отдалъ честь, съ пробитіемъ похода. Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Гдѣ Евфимовъ?

— По приказанію вашего сіятельства посаженъ въ темный казематъ».

— Показать мнѣ его! — повелительно крикнулъ графъ.

Я распустилъ караулъ и повелъ Аракчеева на верхъ, во второй этажъ, гдѣ былъ заключенъ несчастный страдалецъ.

Евфимова вывели... Аракчеевъ злобно посмотрѣлъ на него и скорѣе проскрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ:

— Неблагодарный негодяй!... Желѣза! — неистово закричалъ онъ вслѣдъ затѣмъ...

Чего другаго, а этого добра, также какъ палокъ и розогъ, на нашей гауптвахтѣ всегда было въ изобиліи: поэтому кандалы сейчасъ же были принесены.

— Заковать на глухо! — крикнулъ графъ.

Кузнецъ былъ подъ рукой. Сняли съ несчастнаго Евфимова враги, которыя тогда еще носили, и надѣли на него «арестантскія шноры». Аракчеевъ оставался до самаго конца этой операціи, точно наслаждаясь униженіемъ своего бывшаго любимца, котораго онъ теперь ненавидѣлъ. Когда прозвучалъ послѣдній

ударъ кузнечнаго молота и все было кончено, Аракчеевъ толкнулъ Евфимова въ шею. Тотъ, съ непривычки къ оковамъ, едва было не упалъ отъ этого подзатыльника и, обернувшись къ графу, громко проговорилъ:

— «Ваше сіятельство; видитъ Богъ, невинно страдаю!»

— Поставить имъ ушать! дверь на замокъ, и что-бы всегда была запечатана! По два фунта хлѣба и ведро воды! — грозно крикнулъ Аракчеевъ, обратившись ко мнѣ.

Нечего и говорить, что приказаніе это свято исполнялось и переходило въ сдачу, при смѣнѣ караула.

Командира 2-й гренадерской роты, капитана Мильковскаго, перевели за эту исторію въ сибирскіе гарнизоны; фельдфебель той же роты разжалованъ былъ въ рядовые, а черезъ мѣсяць послѣдовалъ приказъ и о томъ, что «рядовой, изъ дворянъ, Ѳедоръ Евфимовъ переводится въ армейскій полкъ», куда, по снятіи съ него озовъ, онъ и былъ отправленъ по этапу.

За что пострадалъ несчастный Ѳедоръ Евфимовичъ, совершенно непричастный ко всему этому дѣлу, одинъ Богъ знаетъ! Вѣроятно личность этого служака, умнаго, смѣтливаго и при томъ коротко знакомаго со всѣми тонкостями ротнаго и полевого хозяйства былаго времени, мозолила глаза начальству, которое видѣло въ немъ лишняго и не совсѣмъ безопаснаго свидѣтеля своихъ продѣловъ по экономической части. Придраться къ Евфимову изъ-за какихъ-либо упущеній по службѣ — не могли: онъ былъ всегда исправенъ и велъ себя безукоризненно; оставалось одно — прищутать его какъ-нибудь къ скандальной исторіи и такимъ образомъ избавиться отъ него. Сочинили какія-то подстрекательства и вредное вліяніе, оказываемое Евфимовымъ на солдатъ той роты, которою онъ командовалъ прежде; но, кажется, и не подумали о томъ, что, вслѣдствіе жалобы именно этихъ-то людей, Евфимовъ и попалъ изъ маюровъ въ рядовые. Впрочемъ, не смотря на всю пристрастность произведеннаго надъ Евфимовымъ слѣдствія, виновность его въ дѣлѣ «возмущенія» 2-й гренадерской роты не была доказана, и онъ былъ удаленъ изъ полка, такъ называемымъ, административнымъ распоряженіемъ. Ни правительнаго слѣдствія, ни праведнаго гласнаго суда въ то время еще не было, и старая пословица: «у сильнаго всегда безильный виноватъ» ежедневно оправдывалась на дѣлѣ.

Прошло 12—13 лѣтъ, я почти и забылъ уже объ Евфимовѣ, считая его погибшимъ на службѣ царской, или умершимъ гдѣ-нибудь въ госпиталѣ, при безконечныхъ передвиженіяхъ нашихъ армейскихъ полковъ, какъ вдругъ, въ 1837 году, въ бытность мою въ Новгородѣ, встрѣчаю на постояломъ дворѣ этого валдайскаго богатыря. Онъ узналъ меня сразу, бросился на шею и чуть не задушилъ въ своихъ ямскихъ объятіяхъ.

Десятокъ, слишкомъ, лѣтъ боевой и походной жизни много измѣнили его: онъ посѣдѣлъ, порядочно сторбился и какъ-то весь осунулся; но прежняя солдатская выправка все еще видна была въ немъ; не угасла также въ немъ и та удивительная энергія, которая помогла ему вынести на своихъ плечахъ и суровую науку военнаго ремесла и тяжелую немилость грознаго начальства.

Слово за словомъ, мы съ нимъ разговорились и долго пробесѣдовали, вспоминая наше прежнее горькое житье-бытье.

О службѣ своей въ арміи Евфимовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— «Когда прибылъ я въ полкъ, то въ немъ формировалась въ то время маршевая рота, предназначенная на укомплектованіе войскъ кавказскаго корпуса. Спросили меня — не желаю-ли и я отправиться воевать съ Черкесомъ? Конечно, я не отказался, и затѣмъ — ранецъ за спину, ружье на плечо и пошли мы странствовать по бѣлому свѣту. По приходѣ на Кавказъ, меня назначили въ 13-й егерскій полкъ, который, въ началѣ 1827 года, выступилъ въ походъ противъ Персовъ. При штурмѣ какой-то крѣпостцы наша колонна немного посконфузилась и стала примѣтно упираться. Важу — дѣло плохо, — еще немного и, пожалуй, побѣгутъ молодцы, осрамятъ матушку Россію. Призвалъ я на помощь моего Творца, выбѣжалъ впередъ и крикнулъ: дѣти мои! вспомните присягу, данную вами Богу и Царю! впередъ, за мной! — Всѣ бросились — и крѣпость была взята. Когда, послѣ штурма, главнокомандующій, Паскевичъ, объѣзжалъ войска, то, подъѣхавъ къ нашему полку, онъ остановился и спросилъ: «Живы-ли тѣ храбрецы, которые были первыми на стѣнахъ?» «Меня и еще одного солдатика ротный командиръ вывелъ впередъ. Паскевичъ поцѣловалъ насъ, поздравилъ унтеръ-офицерами и собственноручно надѣлъ намъ георгіевскіе кресты... По окончаніи кампаніи, меня уволили въ отставку, съ награжденіемъ чина

14-го класса, что, конечно, мнѣ очень не понравилось. Я побѣжалъ въ Петербургъ, явился къ военному министру и обратился къ нему съ просьбою о переименованіи меня въ прапорщики, сказавъ, что отъ роду не бывалъ въ 14-мъ классѣ, какимъ-то регистраторомъ. Просьба моя была уважена и вотъ — теперь я, Божьею и царскою милостью, отставной прапорщикъ!»

При этихъ словахъ Евфимовъ горько усмѣхнулся.

Послѣ этого свиданія мнѣ не пришлось уже болѣе встрѣтиться съ Федоромъ Евфимовичемъ и я не знаю, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ повончилъ свою жизнь, полную такихъ превратностей. А можетъ быть онъ живъ и доселѣ: при его закаленномъ здоровьи, богатырскомъ сложеніи и умѣренномъ, вообще, образѣ жизни, онъ могъ бы, кажется, прожить до преклонныхъ лѣтъ, несмотря на всѣ тѣ передраги, какія пришлось ему вынести на службѣ отечеству.

VIII.

О происхожденіи Шумскаго, слышнаго сыномъ Аракчеева, въ чемъ тотъ былъ, сначала, вполне убѣжденъ, — я слышалъ подробную повѣсть отъ родной его матери; но, не довѣряя слишкомъ розказнямъ словоохотливой деревенской бабы, — не рѣшаюсь повторять всѣ подробности обмана, жертвою котораго былъ всеильный временщикъ. Довольно того, что Аракчеевъ вѣрилъ въ близкое свое родство съ малымъ, который, въ свою очередь, также, кажется, не сомнѣвался въ томъ, что эта суровая, вѣчно угрюмая и ворчащая фигура, — дѣйствительно его отецъ.

Въ 1823 году, къ гренадерскому графа Аракчеева полку прикомандированъ былъ, для командованія 2-ю фузелерною ротою, флигель-адъютантъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Шумскій, — малый добрейшей души, что называлось тогда, — отличный товарищъ и несравненный собутыльникъ. Баловень слѣпой и подчасъ глупой фортуны, почти юноша — 22-хъ лѣтъ, красивый собой, съ блестящимъ, по тогдашнему времени, внѣшнимъ образованіемъ, гвардейскій офицеръ и вдобавокъ флигель-адъютантъ, — что тогда не такъ-то часто можно было встрѣтить, — Мишель Шумскій, при такой обстановкѣ, казалось бы, долженъ былъ далеко пойти: путь передъ нимъ былъ широкъ и гладокъ, заботливою рукой устранены всѣ преграды... но не тутъ-то было...

Нелѣпное баловство нарѣченной маменьки, Настасьи Федоровны, и не менѣе нелѣпное первоначальное воспитаніе, не выработавшее въ мальчиѣ никакихъ основъ нравственнаго характера, сгубили добраго молодца. Попади онъ въ другія руки — изъ него могъ бы выйти человекъ очень дѣльный и полезный для общества; при отличныхъ умственныхъ способностяхъ, въ немъ было много хорошихъ сторонъ: онъ былъ доброй и чувствительной души; трусость была ему чужда и смѣлость его граничила съ дерзостью, доходила, иногда, до безумія.

Въ 1824 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Александръ I, въ сопровожденіи принца Оранскаго, посѣтилъ Новгородскія военныя поселенія и смотрѣлъ нашъ полкъ. Когда государь, по въѣздѣ на плацъ, принималъ рапортъ полковаго командира, Шумскій, будучи несовсѣмъ въ трезвомъ видѣ, почему-то вообразилъ, что и онъ, по своему званію флигель-адъютанта, долженъ также отрапортовать о состояніи вѣренной ему 2-й фузелерной роты. Малый былъ вообще очень скоръ на рѣшенія и не привыкъ много задумываться надъ чѣмъ нибудь: вздумано — сдѣлано. Во весь карьеръ¹⁾ вынесся онъ изъ фронта, изъ занимаемаго имъ мѣста въ 5-мъ взводѣ; но, не доскакавъ шаговъ за десять до государя, потерялъ равновѣсіе, слетѣлъ съ лошади и растаялся на плацу, при чемъ переломилъ саблю и жестоко подшибъ себѣ лѣвый глазъ.

Государь, пораженный этимъ случаемъ, замѣтилъ ему:

— Шумскій! я тридцать лѣтъ ѣзжу и ни разу не падалъ съ лошади.

Сконфуженнаго и порядкомъ расшибленнаго Мишеля подняли съ земли и, подъ руки, отвели всторону, гдѣ онъ и оставался до окончанія церемоніальнаго марша.

На другой день полку производились малые маневры. Когда взводъ пришелъ къ квартирѣ шефа полка за знаменами, на крыльцѣ показался Аракчеевъ, а за нимъ бѣдный Мишель, украшенный огромнымъ фонаремъ подъ лѣвымъ глазомъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ представленъ государю.

¹⁾ На смотрехъ и ученіяхъ Шумскій всегда былъ верхомъ. Хотя въ то время, какъ и теперь, во фронтѣ были верхомъ только штабъ-офицеры, но Шумскому, вѣроятно вслѣдствіе особеннаго, привилегированнаго положенія его въ полку, не возбранялось гарцовать на конѣ, что, по правдѣ сказать, не очень то шло къ вашему пѣхотному строю.

— Государы!—сказалъ Аравчеевъ,—я съ жалобой къ тебѣ: твой флигель-адъютантъ шалить!

— Что хочешь, графъ, то съ нимъ и дѣлай,—отвѣчалъ государь, видимо недовольный этою сценою.

По отъѣздѣ государя изъ поселеній, въ приказѣ по полку было объявлено, что, по случаю болѣзни флигель-адъютанта, поручика Шумскаго, 2-ю фузелерную роту принять такому-то (фамиліи не упомяну), а Шумскому, по выздоровленіи, отправиться на службу къ своей бригадѣ.

Послѣ этого происшествія, никто въ полку уже не видалъ Шумскаго; но носились слухи, что, по прибытіи въ Грузино, Мишелью было отсчитано 150 горячихъ лозановъ и затѣмъ нанятъ былъ учитель шведскаго языка, для обученія нашего пріятеля.¹⁾ Что изъ него желали сдѣлать — право не знаю: второго-ли Карла XII-го, или же хотѣли подготовить его къ дипломатическому поприщу и пробудить въ немъ стремленіе къ солидности.

Спустя нѣкоторое время, мы узнали изъ высочайшаго приказа, что бывший нашъ сослуживецъ, Мишель Шумскій, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта, переводится, тѣмъ же чиномъ поручика, во Владикавказскій гарнизонный баталіонъ. Причиною ссылки этой, — какъ тогда рассказывали, — была слѣдующая выходка Шумскаго.

Во время одного ученія на Царицыномъ лугу, Шумскій, будучи, по своему обыкновенію, въ нетрезвомъ видѣ, надѣлъ шляпу не по формѣ, что въ то время считалось нежаловазымъ преступленіемъ. На замѣчаніе, сдѣланное ему за это генераломъ (кажется бригаднымъ командиромъ), онъ отвѣтилъ какою-то дерзостью. Взбѣшенный начальникъ, не мало уже терпѣвшій отъ проказъ безпутнаго Аравчеевскаго сына, замѣтилъ ему, что онъ не знаетъ правилъ вѣжливости, и при этомъ обозвалъ его *bâtard*'омъ. Слышалъ-ли Шумскій это словечко, или же ему передали услужливые пріятель — неизвѣстно; но только нанесенное ему оскорбленіе не было имъ забыто и онъ не замедлилъ отомстить за него, по-своему, очень оригинальнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ этого, заѣхавъ однажды въ Большой театръ,

¹⁾ Всѣ остальные европейскіе языки были уже, кажется, извѣстны Шумскому.

гдѣ шло представленіе какого-то балета, Шумскій замѣтилъ сидѣвшаго впереди него своего обидчика, котораго, въ тому же, не трудно было узнать по громадной блестящей лысинѣ. По окончаніи перваго дѣйствія балета, Мишель отправился въ буфетъ, велѣлъ подать объемистый арбузъ, разрѣзать его по-поламъ и выбрать изъ одной половины середку. Захвативъ съ собою очищенную половину арбузной корки, онъ усѣлся на свое мѣсто, повади генерала, и, выждавъ поднятія занавѣса, надѣлъ этотъ импровизированный шлемъ на лысую голову своего начальника... Эффектъ былъ, конечно, удивительный; но Шумскому не удалось долго наслаждаться придуманнымъ имъ мщеніемъ: тотчасъ же къ нему подошелъ плацъ-адъютантъ, пригласилъ его слѣдовать за собою и отвезъ на казенную квартиру, т. е. на гауптвахту.

На другой день, утромъ, уже состоялся высочайшій приказъ о переводѣ Шумскаго на Кавказъ.

Такъ рассказывали эту исторію у насъ, въ полку, въ которомъ, конечно, болѣе или менѣе, интересовались участію Мишеля, какъ бывшаго сотоварища по службѣ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось прочесть въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ рассказъ объ этой выходкѣ Шумскаго нѣсколько варьированный; чтó вѣрнѣе — рѣшить не берусь.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1829 году мнѣ случилось прожить, около недѣли, въ Новгородѣ. Въ самый день отъѣзда изъ города, когда у меня все было уже уложено и я послалъ за лошадьми, оказалось необходимымъ сходить за-рѣчку, на Софійскую сторону, по какому-то забытому дѣлу. Возвращаясь около 4-хъ часовъ домой и переходя мостъ черезъ р. Волховъ, вдругъ слышу что кто-то, сзади меня, крикнулъ мою фамилію. Оборачиваюсь и вижу — подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ, въ статскомъ платьѣ, довольно небрежно одѣтый.

— Что! ты меня не узнаешь? — проговорилъ онъ.

Признаюсь, я былъ порядкомъ озадаченъ, увидя передъ собою какого-то — не то чиновника, не то помѣщика, въ воричневомъ, запущенномъ и позасаленномъ сюртукѣ и въ желтыхъ невыразимыхъ. Вглядываюсь пристальнѣе — лицо какъ-будто знакомое, съ красивыми когда-то чертами, но теперь опухшее, сильно загорѣлое и потасканное; вдобавокъ — черезъ всю лѣвую щеку идетъ широкій рубецъ.

— Не узнаешь? повторяетъ незнакомецъ, и при этомъ на меня такъ сильно пахнула струя спиртоваго запаха, что я невольно пошатнулся немного. Да, это онъ, думалъ я, про себя: его глаза, его голосъ, хотя и сильно осипшій, его запахъ даже... Однимъ словомъ, въ незнакомомъ-знакомцѣ я узналъ блестящаго когда-то, флигель-адъютанта — Мишеля Шумскаго.

— «Шумскій! Мишель!» вскричалъ я. — «Кавими судьбами! съ какой планеты свалился ты на нашу землю? Да что это — ты въ отставкѣ?»

— Ну, братъ, — отвѣчалъ Шумскій, — здѣсь не мѣсто рассказывать о моихъ подвигахъ — это цѣлая эпопея! Если хочешь узнать, что со мною случилось въ эти годы, то пойдемъ-ка въ гостинницу, — тамъ за бутылкой чего-нибудь, я все тебѣ разскажу.

Имѣя крайнюю необходимость выѣхать въ тотъ-же день и зная при томъ характеръ Мишеля и его несчастную страсть къ выпивкѣ, я отозвался невозможностью принять его приглашеніе.

— Ну, чертъ съ тобой! — крикнулъ онъ недовольный моимъ отказомъ. Такъ слушай же!

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ, что, по ссылке его на Кавказъ, въ гарнизонѣ онъ оставался недолго, и вскорѣ, по приѣздѣ въ баталіонъ, былъ переведенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, который, въ 1827 году, назначенъ былъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ Персіи. Въ этой кампаніи Мишель оказалъ чудеса храбрости, за что получилъ Анну съ бантомъ, рубецъ на лѣвой щекѣ и рану въ правую руку.

— Теперь же, — сказалъ Шумскій, — Аракчеевъ отдалъ меня подъ опеку къ такому же аспиду, какъ и самъ онъ — новгородскому вице-губернатору Зотову. Но, — прибавилъ онъ, — со мной шутить плохо! Я до всѣхъ ихъ доберусь!

И дѣйствительно добрался.

Въ Новгородѣ Шумскій былъ зачисленъ на службу въ казенную палату, куда постоянно являлся полупьяный. Замѣчанія и формальные выговоры, дѣлаемые ему вице-губернаторомъ,¹⁾ были для него, что называется, какъ горохъ о стѣну. Но однажды

¹⁾ Въ описываемое мною время, председателями казенныхъ палатъ были вице-губернаторы. А. Г.

Шумскій явился въ палату въ такомъ безобразномъ видѣ, что Зотовъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать ему строгое наставленіе. Вице-губернаторъ говорилъ очень много и очень краснорѣчиво; Шумскій слушалъ внимательно и, повидимому, съ должнымъ почтеніемъ, не дѣлая никакихъ возраженій, такъ что Зотовъ начиналъ уже думать, что порядкомъ пронялъ бутилу; но вдругъ Мишель схватилъ стоявшую на столѣ большую чернильницу и пустилъ ее въ вице-губернатора. Тотъ, по счастью, уклонился отъ этого ядра и чернильница, ударившись въ подножіе большого портрета, украсила чернильными брызгами нѣкоторыхъ членовъ присутствія, которые, вытираясь, еще больше растушевали свои фізіономіи.¹⁾

За выходку эту Шумскій былъ выведенъ изъ палаты сторожами; Зотовъ же обратился къ графу Аракчееву съ просьбою избавить его отъ тяжелой и не совсѣмъ безопасной обязанности опекуна его вѣзвѣстнаго сына.

Аракчеевъ, получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, рѣшился еще попытаться обратиться на путь истинный блуднаго сына, и препроводилъ его къ извѣстному, въ Александровскую эпоху, архимандриту Юрьевского монастыря—Фотію, въ надеждѣ, что этотъ святоша сумѣетъ отчитать его отъ всѣхъ пороковъ. Но ожиданія блуднаго чадолюбиваго отца и на этотъ разъ не оправдались.

Попавъ въ монастырь, Шумскій повелъ себя сначала очень скромно, усердно посѣщая всѣ утрени, обѣдни и вечерни, но, въ то же время, внимательно присматривался къ монастырскимъ порядкамъ и къ новой, довольно дивной для него, обстановкѣ жизни въ святой обители. Какъ опытный мастеръ скандальнаго дѣла, онъ постарался расположить въ свою пользу многихъ иноковъ, Богъ-вѣсть какими судьбами попавшихъ въ монастырь, и которые были не-прочь провести, въ глухую ночь, часокъ-другой за пріятельскимъ графиномъ. Начались сходки, съ каждою ночью дѣлавшіяся и многочисленныя и шумныя. Само собою разумѣется, что эти ночныя оргіи не могли долго оставаться тайными въ

¹⁾ О продолженіяхъ Шумскаго во время службы его въ казенной палатѣ и о выходкѣ его, которою онъ закончилъ свою службу по статскимъ дѣламъ, мнѣ рассказывали чиновники этой палаты и новгородскаго губернскаго правленія.

обители, гдѣ система шпіонства и доносовъ была организована почти съ такимъ же совершенствомъ, какъ и въ любомъ католическомъ монастырѣ. Скоро Фотій очень хорошо зналъ не только о томъ, гдѣ и кто именно собирается, но даже и то, что дѣлается и говорится на подобныхъ бесѣдахъ; но, по христіанской-ли добродѣтели—долготерпѣнію, по другимъ-ли какимъ-либо побужденіямъ, онъ долго сносилъ и ограничивался только одними увѣщаніями. Мѣра терпѣнія святаго отца, однако-жъ, переполнилась наконецъ, когда, на одной изъ ночныхъ сходовъ, Шумскій, сильно возбужденный виномъ, выразился:

— Не будь я Шумскій, если не вырву бороды у нашего архипастыря!

Угроза эта была тотчасъ же, конечно, доведена до свѣдѣнія отца архимандрита, который, не желая дожидаться выполненія ея на дѣлѣ, — за что, зная взысканный нравъ Мишеля, нельзя было поручиться, — посѣшилъ обратиться къ графу Аракчееву съ просьбою взять отъ него Шумскаго и принять какія-либо другія мѣры къ его исправленію; онъ же, Фотій, не можетъ долѣе терпѣть въ своемъ монастырѣ подобнаго господина, грозящаго разшатать всѣ основы монашеской дисциплины.¹⁾

Разумѣется, Аракчеевъ былъ глубоко огорченъ поведеніемъ своего милаго сына, и выразился, что попробуетъ еще разъ пристроить его. Съ этою цѣлью Шумскій былъ переведенъ въ другой монастырь—св. Саввы Вышерскаго, гдѣ архимандритствовалъ Малиновскій, бывшій прежде старшимъ священникомъ въ селѣ Грузинѣ и духовникомъ Аракчеева.

Какъ игумень, Малиновскій былъ личностью весьма замѣтною; съ твердымъ характеромъ и непреклонною волею, онъ умѣлъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ черноризцевъ. Но такъ какъ всѣ люди, даже и выдающіеся изъ общаго уровня, имѣютъ свои недостатки, то и отецъ Малиновскій не былъ чуждъ одной слабости, — весьма общей на святой Руси, — общей до того, кажется, что она и зовется-то только слабостью, а не порокомъ

¹⁾ Подробности жизни и походовъ Шумскаго, какъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, такъ и въ монастырѣ св. Саввы Вышерскаго, сообщены были автору настоящихъ «воспоминаній» воспитанницею графа Аракчеева, племянницею извѣстной Настасьи Федоровны, Татьяною Борисовною, которая, по смерти Аракчеева, вышла замужъ за поручика Вл. Я. Андреева. А. Г.

или недостаткомъ—онъ любилъ позабавиться иногда около графина.

«Рыбакъ-рыбака — видитъ издалека», говоритъ пословица; такъ и Мишель — сразу догадался объ ахилесовой пяткѣ отца архимандрита, и потому не очень-то стѣснялся въ соблюденіи строгихъ монастырскихъ обычаевъ. Охотниковъ выпить,—да еще на чужой счетъ,—и въ этой обители было не мало, и Шумскій, проводя съ ними за стаканомъ свободное отъ церковной службы время, постоянно бывалъ, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Однажды онъ хлебнулъ не въ мѣру, и за общей трапезой вздумалъ въ неприличныхъ выраженіяхъ отзываться объ архимандритѣ и порицать его деспотическое управленіе монастыремъ. Присутствовавшій тутъ же Малиновскій замѣтилъ ему, что употребленныя имъ выраженія не соотвѣтствуютъ уставамъ монастырской жизни и монашеской подчиненности, и посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе.

— Что!?—вспыхнулъ пьяный Мишель, и прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ успѣлъ опомниться отъ этого окрига, онъ вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ архимандриту, схватилъ его за бороду, крича: На-силу-то я добрался до тебя!

Озадаченная на мгновеніе братія, вскорѣ, однако-жъ, пришла въ себя и выручила своего пастыря изъ пьяныхъ рукъ Шумскаго, который и былъ выведенъ изъ трапезной.

Если-бы все это произошло наединѣ между архимандритомъ и Шумскимъ, то первый, изъ угожденія Аракчееву, можетъ быть и перенесъ бы оскорбленіе, не давая этой исторіи официальной огласки и дальнѣйшаго хода; но, къ несчастію Мишеля и въ особенности самаго Аракчеева, скандалъ случился при всей братіи, почти публично, и потому утаить шила въ мѣшкѣ было нельзя и пришлось выносить соръ изъ избы. О чрезвычайномъ происшествіи этомъ донесено было новгородскому архіерею, который, въ свою очередь, представилъ о случившемся святѣйшему Синоду.

Дѣло разыгралось скоро и при томъ далеко непуточно для Шумскаго: по воспослѣдовавшему, въ непродолжительномъ времени, высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь.

Трудно бы, казалось, надѣяться послѣ этого, еще разъ уви-

дѣтъ несчастнаго малаго, вся жизнь котораго была загублена баловствомъ и потворствомъ его мнимой матери и тою страшною любовью, какую сначала питаль въ нему Аракчеевъ, — этотъ по-истинѣ чугунный, безсердечный и безчувственный человѣкъ... Но судьба судила мнѣ еще разъ свидѣться съ Шумскимъ, и свиданіе это произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Въ 1837 году, оставивъ Аракчеевскій полкъ, я перешелъ на службу въ 1-й округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній.

Однажды, не упомяну уже въ которомъ именно году, послѣ обѣда, когда я расположился на диванѣ отдохнуть послѣ усиленной бѣготни по службѣ, въ сильную лѣтнюю жару, вижу — отворяется дверь и входитъ въ комнату человѣкъ въ синей, накинутаго на плечи, сибирякъ, въ плисовыхъ шараварахъ и въ красной кумачной рубахѣ, чуть ни половина которой прикрывалась овладистою темнорусою бородою. Быстро подошелъ онъ къ столу, стоявшему передъ диваномъ, и сталъ въ торжественную позу.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ этою выходкою человѣка, повидимому, ямщика или деревенскаго разгульнаго парня.

— Что ты за человѣкъ? Что тебѣ нужно здѣсь? — спросилъ я, возвыся голосъ и привставъ съ дивана.

«А! и ты не узналъ стараго пріятеля! — укоризненно качая головой, проявнесь онъ. «Не узнаешь меня, Мишеля Шумскаго?» прибавилъ онъ.

Это былъ дѣйствительно Шумскій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сосланный въ Соловки и почти похороненный всѣми знавшими его.

При звукѣ его голоса мнѣ невольно вспомнилась моя молодость, лучшіе, по крайней мѣрѣ, беззаботнѣйшіе годы моей жизни. Я вскочилъ съ дивана и со слезами на глазахъ бросился обнимать стараго товарища.

— Утѣшься, мой другъ, — хладнокровно остановилъ онъ меня.

— Не будь такъ малодушень, не волнуешься слишкомъ. Смотри на меня! Ты знаешь, что на пути моей жизни я испыталъ всѣ превратности судьбы и капризы фортуны; однако-жь, изъ всей этой науки я ровно ничего не вынесъ путнаго и до сихъ поръ не измѣнился.

— Ты видѣлъ меня, — продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія, — въ мундирѣ флигель-адъютанта, а теперь полю-

буйся — каковъ я въ костюмѣ ямщика!... Не спрашивай меня, что я, откуда явился и гдѣ обрѣтаюсь теперь. Я бѣглець, бродяга, полумонахъ Соловецкаго монастыря, ушелъ, тайнымъ образомъ, съ Бѣлаго моря и добрался, пытаюсь по дорогѣ Христовымъ именемъ, до Соснинской пристани,¹⁾ къ знакомому мнѣ ямщику; сбросилъ свою ненавистную хламиду, облачился въ этотъ ухарскій армякъ и пошелъ странствовать по знакомымъ мнѣ мѣстамъ... Прихожу на старое пепелище, гдѣ, когда-то, жилось такъ весело, узнаю, что ты, старый дружище, обрѣтаешься здѣсь, и спѣшу предстать передъ твои ясныя очи...

Все это онъ проговорилъ не то торжественнымъ, не то шутовскимъ тономъ, видимо, однако-жъ, рисуясь... Но сквозь это напускное шутовство иногда прорывалось нѣчто совсѣмъ другое, хватающее за сердце, и тогда голосъ его дрожалъ, какъ надтреснувшее стекло.. Видно, воспоминанія о прошлыхъ счастливыхъ дняхъ, съ перспективой блестящей служебной будущности, не совсѣмъ еще исчезли изъ памяти вѣчно полупьянаго кутилы.

— Однако, братъ, — переменявъ тонъ, началъ опять Шумскій, — соловья баснями не кормятъ. Съомандуй-ка, пожалуйста, по-старинѣ, подать водки, у меня все горло пересохло.

Я вликнулъ деньщика и приказалъ подать водку и закуску, что не мало удивило моего личарда, не привыкшаго видѣть меня закусывающимъ въ такое необычное время, чуть ли тотчасъ же послѣ обѣда. Шумскій съ видимымъ удовольствіемъ выпивалъ одну рюмку за другою, пока не осушилъ всего графина.

— Вели-ка, братъ, еще подать; тутъ нѣтъ ужъ ничего, — обратился онъ ко мнѣ, показывая графинъ и съ какимъ-то презрѣніемъ разглядывая его на свѣтъ.

«Ну, мой милый, извини! Самъ я этимъ художествомъ не занимаюсь, и потому водки у меня держится немного, а посылать очень далеко».

— Ахъ, ты! видно все еще придержишься аракчеевщины! А еще пріятелями были! — Ну, да Богъ съ тобою! Прощай! Мнѣ пора и отправляться.

Мы простились и онъ, выходя уже изъ комнаты, остановился въ дверяхъ и сказалъ:

¹⁾ Волховская станція Николаевской желѣзной дороги.

— Вотъ, братъ, бѣда! потерялъ я свою шляпу ямскую, съ павлинымъ перомъ! Теперь придется такъ и путешествовать, точно на построение храма собираю!

«Возьми мою фуражку съ краснымъ околышкомъ, предложи я ему».

— Ну тебя къ чорту съ нею! Я давно ужъ ненавижу все красное; къ тому же она и не подходитъ къ моему армяку и бородѣ. Прощай; счастливо оставаться! крикнулъ онъ еще разъ и исчезъ.

Посѣщеніе Шумскаго произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Въ особенности неприятно было видѣть въ немъ какое-то совершенно безучастное отношеніе ко всему, даже къ собственной особѣ. На все окружающее, какъ на людей, такъ и на предметы, онъ смотрѣлъ холодно и равнодушно; видно было, что въ этомъ человѣкѣ не живетъ уже болѣе никакого чувства: все въ немъ вымерло, выгорѣло въ томъ всероссійскомъ горнилѣ, которое называется запоемъ и въ которомъ гибнетъ столько человѣческихъ личностей, нерѣдко очень даровитыхъ... Только вино и, такъ называемая, кабацкая посуда пробуждали его вниманіе, оживляли его.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ 9-мъ, мнѣ дали знать, что какой-то человѣкъ, въ безчувственно-пьяномъ видѣ, валяется у воротъ лазарета лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Когда я прибѣжалъ туда, то засталъ уже тамъ цѣлую процессію, съ Мишелемъ Шумскимъ въ серединѣ, котораго солдаты несли къ подводу. По распоряженію окружнаго командира, бѣднягу отправили на станцію Спасскую Полисть, къ становому приставу.

Съ тѣхъ поръ я ничего уже нивогда не слышалъ о Шумскомъ и не знаю, живъ-ли онъ теперь, или давно погибъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, проливъ всякое сознаніе и даже память о быломъ.

А. Е. Грѣбе,
отставной полковникъ.

Старая Русса.